В. Н. Ивановскій.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АППЕРЦЕПЦІИ.

(Лейбницъ, Кантъ, Гербартъ, Вундтъ).

Оттискъ изъ № 36 „Вопросовъ Философіи и Психологіи“



МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеровъ и К°,
Пименовская ул., соб. домъ.
1897.

Пров. 1959

ВЕ
321

Дозволено цензурою. Москва, 26 февраля 1897 г



975
37

Къ вопросу объ апперцепціи.

I.

Часто говорятъ, что «психологія стала теперь самостоятельной, отдѣльной наукой», что она выдѣлилась изъ того сложнаго комплекса наблюденій, обобщеній и гипотезъ, который называется философіей.

Это до извѣстной степени вѣрно, и для того, чтобы такое выдѣленіе психологіи могло произойти, нужно было, чтобы установилось между изслѣдователями нѣкоторое согласіе относительно метода психологическихъ изученій и относительно главнѣйшихъ пунктовъ общей теоріи, основныхъ чертъ группировки и анализа данныхъ сознанія. Такое согласіе ничуть не мѣшаетъ, конечно, отдѣльнымъ психологамъ и школамъ психологовъ разрабатывать разныя стороны науки,—дѣло найдется всѣмъ. Но нужно, чтобы извѣстныя истины и точки зрѣнія были общепринятыми. Въ настоящее время въ психологіи дѣло, несомнѣнно, идетъ къ сближенію другъ съ другомъ различныхъ направленій и школъ, къ выработкѣ одной цѣльной науки.

Такихъ психологическихъ *системъ*, которыя заслуживали бы этого названія, въ настоящее можно указать двѣ; это вундтовская, сохранившая въ себѣ много традиціонныхъ чертъ старой нѣмецкой психологіи, и ассоціативная. Остальныя теоріи или устарѣли, или же отрывочны и не могутъ составить полныхъ системъ, хотя бы отдѣльныя ученія, отдѣльныя положенія ихъ и представляли высокій интересъ; ими можно пополнять наиболѣе развитыя системы, но рядомъ съ послѣдними онѣ стать не могутъ.

Въ какомъ же отношеніи находятся теперь другъ къ другу эти двѣ психологическія теоріи?

Главнымъ вопросомъ, который отдѣляетъ ихъ одну отъ другой, является теорія апперцепціи, какъ она изложена Вундтомъ; это—центральный пунктъ его ученіи и въ то же время ученіе, въ той или другой формѣ типичное для всей вообще нѣмецкой психологіи, которая всегда противополагала духъ представленіямъ, опытнымъ даннымъ, и подчеркивала активность перваго, въ отличіе отъ косности, пассивности вторыхъ. Ассоціативная теорія, напротивъ, далеко не такъ рѣзко противополагаетъ другъ другу міръ и духъ и потому не нуждается въ подчеркиваніи активности духа: разъ весь міръ есть созданіе духа, становится важнымъ не то, что духъ активенъ (это само собой разумѣется, и мы ниже увидимъ, въ какомъ смыслѣ), а то, что въ основѣ продуктовъ его дѣятельности лежатъ нѣкоторые законы, есть нѣкоторое единообразіе.

Какъ бы то ни было, теорія апперцепціи (или шире—вопросъ объ активности духа) составляетъ главнѣйшій спорный пунктъ между двумя школами. Однако, и здѣсь въ послѣднее время бросается въ глаза стремленіе ихъ къ сближенію другъ съ другомъ. Можно указать цѣлый рядъ писателей, частью прямо переходящихъ отъ воззрѣній вундтовой школы къ ассоціативистамъ, частью старающихся занять среднее между ними, примирительное положеніе; между тѣмъ, какъ справедливо было указано, безусловныхъ сторонниковъ Вундта именно въ этомъ, основномъ его ученіи почти совсѣмъ нѣтъ. Наконецъ (и это чрезвычайно важно), самъ Вундтъ, постепенно и подъ очевиднымъ вліяніемъ критики, постоянно мѣняетъ свои взгляды на апперцепцію, и въ значительной мѣрѣ—въ сторону ассоціативныхъ теорій*). И хотя Вундтъ, повидимому, нигдѣ не отказывался прямо ни отъ одного изъ ученій, входящихъ въ составъ теоріи апперцепціи, однако, это съ его стороны только нѣкоторое умолчаніе: на самомъ дѣлѣ, отъ одного сочиненія и отъ одного изданія ихъ до другого онъ настолько мѣняетъ свою теорію апперцепціи, и притомъ въ очень существенныхъ ея чертахъ, что становится невозможнымъ составить себѣ о ней вполнѣ ясное, отчетливое и исчерпывающее понятіе. Въ Германіи не рѣдкость, что философъ—объ

*) Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить, наприм., стр. 283 и слѣд. II тома 4 изданія его *Grundzüge d. physiologischen Psychologie* съ соотвѣтствующими мѣстами русскаго перевода этого сочиненія, сдѣланнаго со 2-го изданія.

одномъ и томъ же предметѣ говоритъ нѣсколько разъ, въ разныхъ мѣстахъ сочиненія и въ разныхъ сочиненіяхъ, постоянно придавая ученію новые оттѣнки, а часто даже и вовсе втихомолку подмѣняя его смыслъ. Писатель, такъ сказать, совершенствуется на глазахъ публики *).

Было бы, конечно, гораздо лучше, еслибы Вундтъ сразу, коротко и, по возможности, безъ противорѣчій изложилъ главнѣйшую изъ своихъ теорій—теорію апперцепціи; но такъ какъ онъ этого не дѣлаетъ, то нужно попытаться разобраться въ его взглядахъ на этотъ вопросъ. Имя Вундта—одно изъ наиболѣе извѣстныхъ и крупныхъ въ психологіи, и отчетливое знакомство съ его воззрѣніями необходимо.

Дѣйствительно, за Вундтомъ числятся передъ нашей наукой весьма существенныя заслуги. Вундтъ поднялъ идущую отъ Вебера, Фехнера, Дондерса, Гельмгольца и др. идею того, что онъ называетъ экспериментальнымъ изученіемъ психики, и придалъ этому направленію необычайную популярность. Сотни занимавшихся въ его лабораторіи разнесли по всему міру идеи «экспериментальной» психологіи, и теперь не только Европа, но и Сѣв. Америка покрыты десятками такихъ лабораторій. Замѣчательна и громадная учено-литературная продуктивность Вундта; помимо изданія въ теченіе уже многихъ лѣтъ журнала *Philosophische Studien*, Вундтъ выпустилъ цѣлый рядъ очень объемистыхъ трудовъ по всѣмъ отдѣламъ философскихъ наукъ и написалъ множество отдѣльныхъ статей.

Этихъ крупныхъ заслугъ Вундта не надо, конечно, забывать при общей оцѣнкѣ его дѣятельности; крайности, странности и противорѣчія его личныхъ теорій забудутся и сгладятся, но многое изъ сдѣланнаго имъ не исчезнетъ изъ науки. Поэтому, и тѣ возраженія, которыя я представляю въ дальнѣйшемъ изложеніи противъ основной психологической теоріи Вундта,—теоріи апперцепціи, — не выражаютъ, конечно, недовѣрія ко всей ученой дѣятельности Вундта въ ея цѣломъ.

Задачей моей статьи я ставлю, во-первыхъ, сообщеніе немногихъ и краткихъ свѣдѣній по исторіи понятія объ апперцеп-

*) Лотце «шесть разъ заново излагалъ свою теорію пространства, внося въ нее измѣненія и дополненія» (Челпановъ, «Проблема воспріятія пространства», стр. 53, примѣчаніе).

ціи,—свѣдѣній, необходимыхъ для установленія правильныхъ точекъ зрѣнія на генезисъ и смыслъ этого понятія у Вундта, а во-вторыхъ,—*формальный* разборъ ученія Вундта по этому вопросу. Я нарочно подчеркиваю терминъ «формальный», такъ какъ здѣсь я ограничиваюсь попыткой установленія тѣхъ значеній, какія имѣетъ у Вундта этотъ терминъ, и перечнемъ тѣхъ очевидныхъ противорѣчій, въ какія впадаетъ Вундтъ при изложеніи своихъ теорій по этому предмету. Критика же и оцѣнка по существу всего того, что входитъ у Вундта въ понятіе «апперцепціи», попытка придать болѣе или менѣе опредѣленное мѣсто въ психологической системѣ каждому изъ его элементовъ стоятъ пока за предѣлами моей задачи. Потому я не касаюсь и той полемики въ защиту и противъ теоріи Вундта, которая изучала вопросъ въ связи съ общею теоріей вниманія,—такъ какъ именно съ вниманіемъ всего естественѣе и ближе связано то, что разумѣется подъ большею частью значеній «апперцепціи».

II.

Терминъ *apperception* (отъ s'apercevoir, замѣчать, усваивать воспринимать; ap-perception, усиленное замѣчаніе или воспріятіе) введенъ въ философію Лейбницемъ для обозначенія активнаго и сознательнаго воспріятія монадою изначала заложенныхъ и развивающихся въ ней представленій, возведенія ихъ къ *самосознанію*; это—рефлективное познаніе (connaissance réflexive) совершающихся въ духахъ (esprits, animae rationales) процессовъ, причемъ духи эти такимъ образомъ достигаютъ представленія «я», самосознанія. Стараясь, согласно общей примирительной тенденціи своей философіи, разрѣшить декартовъ дуализмъ въ монизмъ и согласить декартовъ же механическій взглядъ на природу съ идеями Спинозы о единой субстанціи, Лейбницъ пришелъ, какъ извѣстно, къ предположенію, что міръ, какъ тѣлесный, такъ и духовный, состоитъ изъ нематеріальныхъ, простыхъ субстанцій, особаго рода недѣлимыхъ, непроизводимыхъ и неразрушимыхъ единицъ, или «монадъ».

Монады эти надѣлены, какъ бы наполнены «представленіями» («перцепціями»), которыя въ низшихъ, менѣе развитыхъ монадахъ совершенно «темны», не освѣщены сознаніемъ, безсознательны (petites perceptions); затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ монады разви-

ваются, эти представленія становятся все болѣе и болѣе сознаваемыми, все яснѣе и яснѣе *апперципируются*.

«Надо дѣлать различіе, говоритъ Лейбницъ*), между *воспріятіемъ—перцепціей*, которое есть внутреннее состояніе монады, воспроизводящее внѣшнія вещи, и *апперцепціей—сознаніемъ*, или рефлективнымъ познаніемъ этого внутренняго состоянія, каковое дано не всѣмъ душамъ, да и у одной и той же души бываетъ не всегда».

На первой ступени въ монадахъ существуютъ только *idées obscures*; тутъ монады не отличаютъ того, что онѣ представляютъ, ни отъ самихъ себя, ни отъ другихъ. На второй ступени мы имѣемъ ощущенія, или неясныя, спутанныя представленія, въ которыхъ готовый къ сознанію духъ различаетъ одно отъ другого отдѣльныя представленія, но еще не отдѣляетъ ихъ отъ самого себя, а потому и не замѣчаетъ входящихъ въ нихъ факторовъ**). Третья ступень развитія монады состоитъ въ образованіи *апперцепціи*, т.-е. совершеннаго, яснаго и раздѣльнаго воспріятія содержанія духа, а слѣдовательно и вообще міра, такъ какъ монада есть зеркало міра, микрокосмъ, и кто вполнѣ позналъ бы одну монаду, тотъ позналъ бы всю вселенную.

Такимъ образомъ, апперцепція получаетъ у Лейбница также значеніе совершеннаго, адэкватнаго знанія чего бы то ни было. М. Дессуаръ въ своей Geschichte der neueren deutschen Psychologie***) находитъ, что въ лейбницевомъ понятіи апперцепціи заключаются уже всѣ тѣ три признака ея, которые все болѣе и болѣе обособлялись другъ отъ друга въ дальнѣйшей исторіи этого понятія.

Первый изъ этихъ признаковъ характеризуетъ апперцепцію, какъ процессъ, посредствомъ котораго «вновь получаемыя представленія пополняются уже готовыми, возпроизводимыми; второй—противопоставляетъ содержанію души (т.-е. представле-

*) *Лейбницъ*. Избранныя сочиненія. Переводъ членовъ Психол. Общ. М. 1890, стр. 326.

**) *Max Dessoir*. Geschichte der neueren deutschen Psychologie. I B. Berlin. 1894. 224—5. См. также хорошее краткое изложеніе Лейбницевой теоріи *Volkman von Volkmar*, Lehrbuch der Psychologie. B. I, Cöthen, 1894, 4 Aufl., s. 157—8 и *Otto Staude*, Der Begriff der Apperception in der neueren Psychologie (Philosophische Studien, I Band, 1883, 149 слѣд).

***) Стр. 6.

ніямъ) сознаніе, какъ дѣятельность души, третій состоитъ въ томъ, что это активное, спонтанное состояніе сознаетъ, въ свою очередь, само себя».

Вольфъ держался относительно апперцепціи въ общемъ мнѣній Лейбница: «перцепція есть актъ духа, посредствомъ котораго онъ представляетъ себѣ что бы то ни было отличное отъ него самого (objectum quodcunque), апперцепція же приписывается духу постольку, поскольку онъ сознаетъ свою перцепцію» *).

Задачи и главные труды Канта обыкновенно относятъ, какъ извѣстно, не къ психологіи, а къ теоріи познанія. Такимъ образомъ, казалось бы, и о кантовой теоріи апперцепціи можно было не говорить при обсужденіи исторіи и современнаго значенія этой теоріи *въ психологіи*.

Однако, не сказать о ней нельзя, потому что, какъ бы ни старались раздѣлять другъ отъ друга теорію познанія и психологію, онѣ остаются тѣсно связанными и фактически—въ лицѣ отдѣльныхъ представителей той и другой области знанія, и по самому своему существу. За примѣрами фактической ихъ связи и обусловленности не надо далеко ходить. Кантъ писалъ по теоріи познанія и въ основу своихъ изслѣдованій положилъ старую психологію съ ея теоріей способностей, какъ особыхъ агентовъ, съ ея дѣленіемъ способностей на низшія и высшія, опытныя и раціональныя, эмпирическія и трансцендентальныя, съ ея полнѣйшей неумѣлостью въ психологическомъ анализѣ. Вундтъ писалъ психологію и въ предисловіи заявилъ, что онъ своими воззрѣніями обязанъ больше всего Канту, т.-е. теоретику познанія; то же можетъ сказать про себя и почти каждый нѣмецкій психологъ нынѣшняго столѣтія: на ихъ психологическіе взгляды всегда сильно вліяла если не прямо теорія познанія, то та или другая метафизическая система новаго, гносеологическаго типа.

Это такъ и должно было быть уже по самому существу дѣла: изучать условія, средства, предѣлы, пріемы или методы познанія нельзя, не зная, не изучивъ нашихъ познавательныхъ способностей, строя всей нашей духовной дѣятельности, а это, очевидно, дѣло психологіи.

И когда Кантъ въ своей *теоріи познанія* утверждаетъ, будто чувственность и разсудокъ радикально и по существу отличны

*) Цитата изъ Psychologia empyrica у *M. Dessoir*, стр. 225.

другъ отъ друга, мы сразу видимъ, что неправильная постановка вопросовъ теоріи познанія обусловлена здѣсь недостаточностью кантовой *психологіи*. Кантъ даже для своего времени былъ, какъ извѣстно, слабымъ психологомъ; въ этомъ видятъ главнѣйшій недостатокъ его трудовъ. И дѣйствительно, процессъ познанія, наприм., получаетъ у него страшно сложный и запутанный видъ.

Будучи противникомъ догматической (или онтологической) метафизики вообще, и лейбницевой въ частности, Кантъ не могъ конечно, остаться и при лейбницевомъ пониманіи термина «апперцепція». Кантова апперцепція есть фактъ тожества личности въ ея послѣдовательныхъ состояніяхъ и сознаніе этого факта, сопровождаемое активнымъ отношеніемъ мыслящаго субъекта къ воспринимаемому имъ опытному содержанію. Помимо эмпирической, извлекаемой изъ опыта, у него есть первичная, «*трансцендентальная апперцепція*», «синтетическое единство апперцепціи», «чистое самосознаніе» и т. п. *).

III.

Гербартъ оказалъ большую услугу психологіи въ Германіи своею борьбой противъ теоріи духовныхъ способностей, какъ особыхъ агентовъ. Онъ отбросилъ эти призраки какихъ-то готовыхъ аппаратовъ, обрабатывающихъ данныя опыта, каждый сообразно своимъ законамъ (причемъ законы эти были часто тожесловіями названій этихъ способностей), и ввелъ идею развитія духа **).

Пытаясь основать психологію на опытѣ, метафизикѣ и математикѣ, Гербартъ, однако, по выраженію Рибо ***), взялъ «очень мало изъ опыта, нѣсколько больше изъ метафизики и почти все изъ математики».

Мы изложимъ сейчасъ вкратцѣ основныя черты психологическихъ ученій Гербарта, какъ они выражены имъ въ «Psychologie als Wissenschaft neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik u. Ma-

*) См. краткое резюме въ названной выше статьѣ Штауде въ Philosophische Studien. Критика этой теоріи Канта у W. James'a, Principles of Psychology, vol. I, ch. X, стр. 329 сл., 360 сл.

**) Поэтому, лучшее сочиненіе этой школы (Учебникъ Volkmann'a von Volkmar) и называется „Lehrbuch der Psychologie vom Standpunkte des Realismus und nach *genetischer* Methode".

***) *Ribot*, Psychologie allemande contemporaine, 1879, p. 25.

thematik» и въ «Lehrbuch zur Psychologie». Сущность, лежащую въ основѣ явленій, Гербартъ представляетъ сходно съ Лейбницемъ; міръ состоитъ, по его мнѣнію, изъ безчисленнаго множества простыхъ субстанцій, единицъ бытія, которымъ въ явленіяхъ соотвѣтствуютъ не отдѣльные, индивидуальные предметы, а *простыя качества*; качества эти до нѣкоторой степени проницаютъ другъ друга, образуя конкретныя вещи.

Душа есть тоже простая субстанція; сталкиваясь съ другими, душа обнаруживаетъ нѣкоторую активность, стремится поддержать свое существованіе; это-то стремленіе къ самосохраненію и обнаруживается въ видѣ представленій. Внѣшнія простыя качества, сталкиваясь съ душой, такъ сказать, высѣкаютъ изъ нея представленія, подобно тому, какъ огниво высѣкаетъ искры изъ кремня. Эти искры, эти отношенія одной простой субстанціи—души—ко всѣмъ другимъ, и образуютъ нашу внутреннюю, духовную жизнь, все содержаніе которой Гербартъ сводитъ на представленія и разнаго рода модификаціи ихъ. Разъ возникшее представленіе не исчезаетъ*); оно только оттѣсняется вновь приливающими, причемъ представливаніе этого представленія (das Vorstellen der Vorstellung) превращается въ простое стремленіе къ представливанію, и представленіе темнѣетъ, тускнѣетъ. Сознаніе есть не что иное, какъ сумма одновременно представливаемыхъ, наличныхъ въ духѣ представленій.

Гербартъ и изслѣдовалъ условія этого представливанія, пытался установить и дать математическое выраженіе законамъ «потемнѣнія» и возстановленія представленій посредствомъ «пособій» (то, что обыкновенно называютъ ассоціаціями), сводилъ конкретныя духовныя явленія на образованіе изъ отдѣльныхъ представленій массъ и рядовъ, на ихъ сведеніе (Wölbung), заостреніе (Zuspitzung), ущемленіе и т. д. и выводилъ изъ этихъ комбинацій

---

*) Нѣмецкіе психологи полагаютъ, что у нихъ есть основанія утверждать, что духовныя состоянія, которыя у нихъ называются „представленіями“, существуютъ не только тогда, когда они сознаются, но и въ промежутки между этими возстановленіями или воспроизведеніями—въ видѣ „темныхъ“, безсознательныхъ представленій. Сознаніе же есть или особый агентъ, освѣщающій представленія (Кантъ, Фризъ и др.), или просто фактъ ясности, сознаванія представленій (Гербартъ, Бенеке). См. *Volkmann v. Volkmar*, Lehrbuch d. Psychologie, 4 Aufl., s. 177 (Fortbestehen d. Vorstellungen), а также *М. Троицкій*, Нѣмецкая психологія, т. II.

и модификацій представленій то, что, наприм., Кантъ считалъ неразложимыми, апріорными формами познанія: пространство и время, идею «я» и апперцепцію, а также и всѣ другія явленія психическаго порядка—всѣ чувствованія и акты воли.

Для насъ сейчасъ интересны взгляды Гербарта на «я», на внутреннее чувство, такъ какъ они прямо подведутъ насъ къ апперцепціи, какъ ее понимаютъ въ школѣ Гербарта *).

«Я» понимается сначала какъ ощущающее и желающее тѣло, затѣмъ какъ представляющее и желающее «внутреннее» (das Innere) и, наконецъ, какъ мыслящій и волящій субъектъ. И во всѣхъ этихъ отношеніяхъ «я» есть не что иное, какъ психическое явленіе, какъ извѣстная большая или меньшая совокупность представленій, уже имѣющихся на лицо и обладающихъ способностью воспринимать и усвоять себѣ новыя представленія. Представленіе «я» есть сознаніе активности, живости (Regsamkeit), которою обладаютъ уже готовыя группы или круги представленій, и исторія моей жизни есть именно мое «я», распущенное во временномъ ряду. Такимъ образомъ, вся совокупность нашего опыта, все наше прошлое со всѣми его результатами и есть наше «я».

Однако, въ каждый моментъ мы испытываемъ, воспринимаемъ также что-нибудь новое, наша жизнь постоянно движется впередъ. Въ какомъ же отношеніи стоятъ эти новыя духовныя состоянія къ нашему «я», къ уже составившемуся содержанію духовной жизни?—Они немедленно также входятъ въ составъ этого «я», *апперципируются*, воспринимаются, вбираются въ себя прежнимъ запасомъ нашихъ духовныхъ пріобрѣтеній. Этотъ процессъ имѣетъ двѣ стороны: 1) *субъективную*, или сознаніе принадлежности новыхъ духовныхъ состояній тому же комплексу представленій, который мы называли до сихъ поръ «я»: это—*внутреннее замѣчаніе* (innere Wahrnehmung); 2) *объективную*, самый процессъ взаимодѣйствія новаго со старымъ, видоизмѣненія новаго подъ вліяніемъ стараго, и обратно; это и будетъ *апперцепція*. «Внутреннее замѣчаніе,—говоритъ Фолькманъ **), есть непрестанное взаимодѣйствіе между отдѣльными представленіями

*) Я буду пользоваться Lehrbuch'омъ Фолькмана по послѣднему, 4-му изданію, гдѣ ученія гербартовой школы изложены всего лучше.

**) Volkmann, Lehrbuch, 4 Aufl. II B., S. 179

и массами представленій, съ одной стороны, и «я», съ другой; оно вноситъ единство послѣдняго въ многообразіе первыхъ; благодаря ему, «я» становится центральнымъ пунктомъ всей жизни представленій, и тихое: я знаю или сознаю (Ich weiss) (возможнымъ) спутникомъ всѣхъ представленій». «Апперцепція же есть не что иное, какъ процессъ сліянія новыхъ изолированныхъ массъ представленій съ прежней, превосходящей ихъ по объему и слаженности (Ausgeglichenheit), и видоизмѣненія ихъ одной другою» *). Такимъ образомъ, «внутреннее замѣчаніе и апперцепція представляютъ собою собственно двѣ стороны одного и того же процесса: реакціи стараго духовнаго содержанія на новое» *).

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ гербартіанское ученіе объ апперцепціи. Ученіе это подверглось критикѣ съ разныхъ сторонъ. Такъ, Вундтъ еще во 2 изданіи своихъ «Основаній физіологической психологіи» *) писалъ: «Основная ошибка психологіи Гербарта заключается въ понятіи объ апперцепціи. Онъ совсѣмъ упускаетъ изъ вида роль нашей произвольной дѣятельности въ апперцепціи, которая у него сводится то же на взаимодѣйствіе представленій»... На самомъ дѣлѣ, «подавленіе или задержка имѣетъ мѣсто не въ самыхъ представленіяхъ, но въ дѣятельности апперцепціи».

Здѣсь Вундтъ критикуетъ теорію Гербарта съ своей точки зрѣнія, о которой мы будемъ говорить ниже. Теперь перейдемъ къ другимъ психологическимъ теоріямъ и поищемъ у нихъ того или другого отношенія къ фактамъ, которые Гербартъ назвалъ собирательнымъ именемъ «апперцепціи».

Представители ассоціативной психологіи не употребляютъ термина «апперцепція», такъ какъ находятъ возможнымъ свести это понятіе въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Гербартъ, къ другимъ явленіямъ духа. Съ ихъ точки зрѣнія, въ апперцептивное взаимодѣйствіе новаго со старымъ должны войти составными элементами: явленія относительности (къ нимъ подойдутъ многіе изъ примѣровъ, приводимыхъ Фолькманомъ), вслѣдствіе которыхъ всякое новое духовное состояніе различается и оцѣни-

*) Volkmann. Lehrbuch, II, 190.

**) Ibid., 191.

***) Русскій переводъ В. Кандинскаго, 1880 г., стр. 861 и сл.

вается относительно всего прежняго содержанія духовной жизни (такъ, сѣрое относительно чернаго будетъ гораздо бѣлѣе, чѣмъ относительно бѣлаго,—чистая вода слаще послѣ глауберовой соли, чѣмъ послѣ меду и т. п.); далѣе, сюда войдутъ всѣ тѣ явленія, которыя выдѣляются подъ названіемъ «воспріятія». Правда, Бэнъ, наприм., не анализируетъ особо *процесса* воспріятія, сводя его на явленія ассоціаціи и представляя уже самому читателю находить въ воспріятіи ассоціативные элементы *). Но у проф. В. Джемса въ его Text-book есть особыя главы, посвященныя процессу воспріятія; подобнаго же рода явленіе Джемсъ разумѣетъ и подъ той каймой, той полутѣнью (fringe), той вереницей разнаго рода образовъ, которая окружаетъ, сопровождаетъ каждую мысль и въ которой всецѣло заключается значеніе, цѣнность для насъ того или другого образа; «эта полутѣнь составляетъ съ даннымъ образомъ одно цѣлое,—она плоть отъ плоти его и кость отъ костей его; оставляя образъ тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ прежде, она сообщаетъ ему новое значеніе и новую окраску» **). Всѣ эти процессы Джемсъ и отожествляетъ съ «апперцепціей». «Въ Германіи со временъ Гербарта,—говоритъ онъ ***), въ психологіи отводится значительное мѣсто процессу, называемому «апперцепціей». Воспринимаемыя нами новыя идеи или ощущенія «апперципируются» при посредствѣ «массы» идей, уже имѣвшихся предварительно въ сознаніи. Очевидно, что съ такой точки зрѣнія весь процессъ воспріятія есть процессъ апперцептивный. Таково всякое воспризнаніе, классифицированіе, наименованіе объектовъ опыта; сверхъ непосредственныхъ воспріятій, всѣ дальнѣйшіе наши психическіе процессы по поводу воспріятій суть также апперцептивные процессы. Я самъ,—продолжаетъ Джемсъ,—не пользуюсь словомъ «апперцепція», такъ какъ съ нимъ въ исторіи философіи связаны весьма различныя значенія, и если нѣсколько расширить гербартовское значеніе этого слова, то подъ понятіе ап-

*) Это соотвѣтствуетъ общему плану сочиненій проф. Бэна, который особенно дорожитъ возможностью до конца проанализировать конкретныя духовныя явленія и больше говоритъ объ элементахъ душевной жизни, чѣмъ о конкретныхъ и сложныхъ духовныхъ процессахъ.

**) См. В. Джемсъ, Психологія, русскій переводъ И. И. Лапшина 122—125.

***) Ibid., 262—263.

перцепціи подойдутъ и «психическая реакція», и «истолкованіе ощущеній», и «концепція», и «ассимиляція», и «переработка психическихъ впечатлѣній», и, наконецъ, просто «мышленіе». Анализировать такъ называемые апперцептивные процессы, выходящіе изъ рамокъ непосредственнаго воспріятія, едва ли стоитъ, такъ какъ такіе процессы встрѣчаются въ нашей психической жизни въ безконечномъ разнообразіи. Слово «апперцепція» можетъ служить названіемъ для совокупности всѣхъ психическихъ факторовъ, названныхъ у насъ ассоціаціями, и легко видѣть, что данный объектъ опыта вызоветъ въ насъ то или другое представленіе въ зависимости отъ обладаемыхъ нами въ данную минуту *психостатическихъ условій* (выраженіе Льюиса), иначе говоря,—отъ нашего характера, привычекъ, памяти, воспитанія, предшествующихъ опытовъ и нашего настроенія въ данную минуту,—словомъ, отъ всей нашей природы и нашего психическаго склада. Мы ничего не выиграемъ въ полнотѣ нашихъ психологическихъ знаній, если будемъ называть всю совокупность этихъ психическихъ факторовъ «апперципирующей массой, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ, конечно, такое названіе будетъ представлять нѣкоторыя удобства». Джемсъ склоненъ думать, что это названіе лучше бы замѣнить терминомъ Льюиса «ассимиляція».

Мы не можемъ не согласиться всецѣло съ этимъ мнѣніемъ Джемса. Дѣйствительно, разъ миновала пора «монадъ», разъ отошла въ вѣчность, или во всякомъ случаѣ строго выдѣлена изъ психологіи лейбницева метафизика,—та прибавка, тотъ слогъ *an*, которымъ Лейбницъ хотѣлъ отличить высшій способъ сознанія монадою своего отъ вѣка въ ней заложеннаго содержанія, становится совершенно излишнимъ. То, что было важно для Лейбница въ связи съ наиболѣе основными чертами его міровоззрѣнія, для современной психологіи потеряло свой смыслъ, и мы можемъ урѣзать апперцепцію и вернуть ее къ тому понятію, изъ котораго она вышла,—къ перцепціи, т. е. воспріятію. Апперцепція въ широкомъ смыслѣ есть дѣйствительно просто другое названіе ассоціативныхъ процессовъ, и поскольку разница лишь въ названіи, противъ нея врядъ ли стоитъ возставать; однако, важнымъ недостаткомъ этого термина является то, что онъ рядъ очень сложныхъ процессовъ сливаетъ въ одно понятіе, заставляя этимъ думать, что это—одинъ и тотъ же процессъ, одно и то же явленіе.

Теперь мы переходимъ къ новому періоду въ исторіи апперцепціи,—къ Вундту. Въ настоящее время подъ апперцепціей обычно и понимаютъ у насъ тѣ или другія изъ построеній Вундта.

IV

Еще въ первомъ изданіи своихъ *Grundzuge der physiologischen Psychologie* Вундтъ писалъ въ предисловіи, что послѣ Канта онъ всего болѣе «выработкою своихъ философскихъ взглядовъ обязанъ именно Гербарту» *). Это замѣчаніе перепечатано и въ послѣдующихъ изданіяхъ **). И дѣйствительно, психологія Вундта носитъ на себѣ замѣтныя черты вліянія Гербарта. Какъ и Гербартъ, Вундтъ останавливается почти исключительно на анализѣ представленій, къ которымъ онъ (какъ и Гербартъ) относитъ и внѣшнія воспріятія (sinnliche Wahrnehmungen, или Wahrnehmungsvorstellungen), и представленія понятій (Begriffsvorstellungen), и понятія (Begriffe). Какъ и у Гербарта, ученіе о чувствованіяхъ и о волѣ у Вундта крайне скудно; ученіе о душевныхъ разстройствахъ точно также поставлено непосредственно за душевными движеніями и въ связи съ ними. Извѣстно, что у Гербарта совсѣмъ слабъ былъ отдѣлъ чувствованій. Затѣмъ, у обоихъ авторовъ есть большое сходство въ ученіи о сознаніи, объ образованіи представленія «я» и т. д.

Но есть и значительныя различія между психологическими воззрѣніями Гербарта и Вундта. Съ одной стороны, Вундтъ пополнилъ гербартовскія теоріи изслѣдованіями по анатоміи и физіологіи нервной системы, подробно изложилъ ученіе объ ощущеніяхъ особенно съ ихъ физической и физіологической стороны, ввелъ цѣлый рядъ психофизическихъ и психометрическихъ экскурсовъ; съ другой, онъ покинулъ нѣсколько изъ наиболѣе важныхъ теорій Гербарта. Такъ, онъ отрицательно относится къ основному предположенію гербартіанской теоріи о постоянномъ существованіи разъ возникшихъ представленій, выметаетъ всю его метафизику реальныхъ субстанцій, всю гипотетическую «статику» и «механику» представленій, ихъ рядовъ и тканей за порогомъ

---

*) Основанія физіологической психологіи, переводъ В. Кандинскаго, стр. VI.

**) Grundzüge der physiologischen Psychologie, IV Auflage, I B., S. VII.

сознанія*), отбрасываетъ всѣ математическія выкладки Гербарта; онъ недоволенъ также гербартовой теоріей апперцепціи и вводитъ новое содержаніе для этого понятія.

«Основная ошибка психологіи Гербарта **), — говоритъ Вундтъ,—заключается въ понятіи объ апперцепціи... Здѣсь совершенно упущено изъ виду то рѣшающее значеніе, какое принадлежитъ при апперцепціи самопроизвольной (спонтанной) дѣятельности представляющаго (т.-е. субъекта). Все это разлагается у Гербарта на тѣ взаимодѣйствія представленій, которыя въ дѣйствительности имѣютъ то же значеніе, что и внѣшнія чувственныя впечатлѣнія, такъ какъ они составляютъ только психофизическую основу духовныхъ событій, но не сами эти событія. Если восхищаются наглядностью, съ которой Гербартъ рисуетъ намъ возникновеніе и паденіе (Steigen und Sinken) представленій, то она состоитъ только въ томъ, что Гербартъ описываетъ этотъ процессъ какъ движеніе, а между тѣмъ нѣтъ никакихъ доказательствъ въ пользу того, что процессъ возникновенія и паденія представленій есть именно движеніе. Напротивъ, гдѣ только оказывается возможнымъ приложить масштабъ точнаго наблюденія къ этимъ фикціямъ, онѣ оказываются ему противорѣчащими. Такъ, по теоріи Гербарта только однородныя (т.-е. принадлежащія къ одному и тому же чувству) представле-

*) Вотъ что говоритъ о гербартіанствѣ Вундтъ въ 4 изд. своихъ *Grundzüge* (стр. 8): „Тѣ обработки психологіи, которыя обычно называютъ до сихъ поръ еще „эмпирическими", представляютъ собой особаго рода смѣшенія раціональной и эмпирической психологіи, потому ли, что ихъ раціональная часть ограничивается нѣкоторыми метафизическими положеніями относительно существа души, или же потому, что они выдаютъ за данныя самонаблюденія тѣ или другія гипотезы метафизическаго происхожденія, какъ, наприм., въ большей части современныхъ сочиненій гербартовой школы. Справедливо было замѣчено, что нельзя придавать значенія ни одному доказательству, приводимому этой психологіей призрачнаго самонаблюденія. И между тѣмъ, въ школахъ съ невѣроятною довѣрчивостью обременяютъ память учениковъ цѣлой тканью совершенно вымышленныхъ процессовъ, излагаемыхъ компендіумами гербартовой школы". Стр. 13: „Изолированное, доступное отвлеченію отъ чувства и воли представленіе такъ же мало существуетъ, какъ и разсудокъ въ качествѣ отдѣльной душевной силы". Въ теоріи Гербарта о постоянномъ существованіи представленій Вундтъ видитъ остатки старой теоріи душевныхъ способностей, какъ отдѣльныхъ агентовъ; ср. *Grundzüge*, 4 Aufl., B. I, S. 12—13, 20.

**) *Grundzüge*, 4 Aufl., II B., S. 485—486; то же въ рус. пер. В. Кандинскаго стр. 863—864.

нія стѣсняютъ другъ друга; однако, изслѣдованіе съ несомнѣнностью показываетъ, что могутъ стѣснять другъ друга также и разнородныя (диспаратныя) представленія. Этотъ фактъ показываетъ намъ, что такъ называемое «стѣсненіе» представленій имѣетъ основаніе не въ самихъ представленіяхъ, но въ дѣятельности апперцепціи»... Представленія управляются апперцепціей такъ, какъ нервная система управляетъ живымъ организмомъ (!?).

Апперцепція связана у Вундта съ теоріей сознанія и вниманія, а потому намъ придется вкратцѣ коснуться и этихъ его ученій *). Сознаніе, по Вундту, есть необходимое условіе всякаго внутренняго опыта, а потому дать опредѣленія сознанія нельзя. Остается изучать существенныя условія сознанія; къ таковымъ надо отнести: во-первыхъ, образованіе представленій изъ чувственныхъ впечатлѣній (то, что Вундтъ, слѣдуя отчасти Гербарту, называетъ Verschmelzung, сліяніемъ), и во-вторыхъ, теченіе (Gehen und Kommen) представленій. На-ряду съ этимъ «теченіемъ представленій», мы замѣчаемъ въ себѣ то въ большей, то въ меньшей степени нѣкоторую дѣятельность, называемую *вниманіемъ*.

Дѣятельность эта, съ субъективной стороны, сопровождается специфическимъ чувствованіемъ (Gefühl), не опредѣлимымъ ближе (какъ и всѣ простыя чувства и ощущенія), но родственнымъ по внутреннему сознанію тѣмъ чувствамъ, которыя мы замѣчаемъ при всякаго рода волевой дѣятельности, и которое поэтому можно назвать *чувствомъ дѣятельности* (Thätigkeitsgefühl). При напряженномъ вниманіи это чувство часто усиливается физическими ощущеніями напряженія кожи и мускуловъ. Этому чувству противоположно *чувство пассивности* (Erleidensgefühl).

Духовное состояніе, предваряемое чувствомъ активности, мы называемъ самопроизвольнымъ (selbsterzeugt), или такимъ, которому мы отдаемъ предпочтеніе (bevorzugt), если это—внѣшнія впечатлѣнія. Часто бываетъ, впрочемъ, что состоянія, возникшія сначала безъ участія нашей воли, пассивно, потомъ привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе; тогда и чувство пассивности переходитъ въ активное. Разница тутъ будетъ только въ томъ, что въ изначала активныхъ состояніяхъ духовный актъ представляется намъ какъ *желаемый* нами, какъ вызванный нашей собственной дѣятельностью, а въ тѣхъ случаяхъ, которые начались съ чувства

*) Излагаю по 4 изд. *Grundzüge* II B., Cap. XV.

пассивности, онъ всегда будетъ представляться лишь пассивно воспринятымъ или ожившимъ. Съ объективной стороны, дѣйствіе вниманія проявляется въ томъ, что сознаніе на однихъ представленіяхъ сосредоточивается болѣе, на другихъ менѣе. Это можно сравнить съ дѣятельностью зрѣнія. Тѣ наличныя представленія каждаго момента, на которыя обращено вниманіе, можно назвать «внутренней *точкой* фиксаціи», или «точкой фиксаціи сознанія» (innerer Blickpunkt), лежащей среди болѣе обширнаго «внутренняго *поля* зрѣнія» (inneres Blickfeld). Вступленіе представленій во внутреннее поле зрѣнія Вундтъ называетъ *перцепціей*, а вхожденіе ихъ въ фиксаціонную точку сознанія—*апперцепціей*.

Апперцепція, предворяемая чувствомъ активности, есть апперцепція активная; если же апперцепція предваряется чувствомъ пассивности, то она будетъ пассивной.

Съ перваго взгляда видно, что въ понятіи объ апперцепціи, какъ о наиболѣе ясномъ воспріятіи, Вундтъ возвращается къ Лейбницу—только безъ метафизики этого послѣдняго *). У Лейбница монада воспринимала и развитіемъ доводила до яснаго сознанія изначала въ ней заложенныя представленія: она воспринимала самое себя, а черезъ это и тотъ міръ, копіей котораго было ея духовное богатство. У Вундта же апперцепція есть или ясное *воспріятіе* привходящаго *извнѣ* содержанія, или ясное *воспроизведеніе*. Какъ то, такъ и другое происходитъ въ пассивной апперцепціи безъ подготовки со стороны самодѣятельности субъекта, въ активной—подготовляется и обусловливается этой самодѣятельностью.

Прежде всего и самое главное—это то, что у Вундта (подъ очевиднымъ вліяніемъ Канта) апперцепція является *первичнымъ, основнымъ* фактомъ духовной жизни. «Апперцепція должна считаться *первичнымъ* актомъ воли» **). «Сознаніе совершенно немыслимо безъ внутренней дѣятельности воли. *Всѣ* процессы соединенія представленій зависятъ отъ апперцепціи» ***) и т. д. Сообразно такому взгляду, Вундтъ выдѣляетъ изложеніе ученія объ апперцеп-

*) На стр. 762 рус. пер. „Основаній физіологич. психологіи" прямо читаемъ. „процессъ апперцепціи представленій можетъ быть названъ, по примѣру Лейбница, возведеніемъ представленій въ самосознаніи"

**) „Основанія физіол. псих.", стр. 755.

***) Тамъ же, стр. 942.

ціи въ особую главу, на-ряду съ ученіемъ объ ассоціаціяхъ, ставя такимъ обрзомъ апперцепцію въ рядъ съ такими до послѣдней степени *простыми*, дѣйствительно неразложимыми на элементы процессами, какъ связываніе духовныхъ явленій по смежности (Berührungsverbindun gen, Berührungsassociationen, aüssere Associationen) или по сходству (Gleichheitsverbindungen, Aenlichkeits-oder Innereassociationen). По той же причинѣ Вундтъ прямо говоритъ и объ особыхъ *законахъ апперцепціи*, для которыхъ ассоціативныя соединенія даютъ лишь матеріалъ, представляя собою «лишь тѣ психо-физическіе законы, которые составляютъ *предварительное условіе* для дѣятельности апперцепціи *). «Ассоціаціи доставляютъ для активной апперцепціи возможность выбора между надлежащими представленіями; при этомъ извѣстнаго рода выборъ осуществляется уже въ самой ассоціаціи» (849).

Однако, какъ мы только что видѣли, Вундтъ говоритъ и совершенно обратное: оказывается, что наиболѣе основнымъ условіемъ *всякой* дѣятельности сознанія должна быть именно апперцепція. Два такихъ мѣста мы привели выше; вотъ еще: «На вопросъ о психологической *причинѣ* ассоціаціи можно дать лишь такой отвѣтъ: представленія соединяются между собою потому, что отдѣльные акты представляющей дѣятельности, или апперцепціи (новое значеніе термина!) находятся между собою въ постоянной связи. Различные роды внутренней и внѣшней ассоціаціи суть элементарныя проявленія этой связующей дѣятельности» **). «Ассоціація есть *отраженіе* центральнаго единства нашего сознанія, — единства, которое непосредственно воспринимается нами во внутренней и внѣшней дѣятельности воли» ***). Такимъ образомъ, получается неразрѣшимое противорѣчіе: ассоціаціи подготовляютъ матеріалъ для апперцепціи, а безъ апперцепціи не можетъ быть никакой дѣятельности сознанія, въ томъ числѣ и ассоціаціи. Причина этого коренного противорѣчія лежитъ, вѣроятно, въ слѣдующемъ. Вундтъ, повидимому, совмѣстилъ здѣсь подъ понятіемъ апперцепціи двѣ совершенно различныя вещи: во-первыхъ, апперцепцію въ смыслѣ первоначальнаго единства личности, обусловливающаго собою всякую синтетическую дѣятельность,

*) Тамъ же, стр. 856.
** Тамъ же, стр. 852.
***) Тамъ же, стр 851.

всякое сознаніе, и во-вторыхъ, апперцепцію въ смыслѣ того предполагаемаго «сознательнаго» активнаго начала, которое распоряжается нашей духовной жизнью въ томъ ея видѣ, въ какомъ она выходитъ изъ рукъ первой апперцепціи. Оттого у Вундта ассоціація и оказалась между *двумя* апперцепціями, изъ которыхъ предварительная *обусловливаетъ* ассоціаціи, а послѣдующая *выбираетъ* изъ множества возможныхъ одну дѣйствительную и вообще дѣлаетъ все, что требуется отъ самостоятельнаго духовнаго начала. Мы настаиваемъ на томъ, что эти двѣ апперцепціи представляютъ собою два совершенно различныхъ для всякаго сколько-нибудь научнаго анализа явленія, которыя надо прежде всего изслѣдовать какъ таковыя. *Словесно* свести ихъ къ одному понятію недостаточно.

Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно, что апперцепція, по Вундту, есть самое основное, самое коренное явленіе духа, основа его единства и тожества, и какъ таковая, она, конечно, не можетъ быть многоразличной. И между тѣмъ, мы видимъ, что это понятіе у Вундта начинаетъ показывать цѣлый рядъ совершенно несовпадающихъ другъ съ другомъ «сторонъ», «проявленій», «дѣйствій», «признаковъ» и т. д. Думаешь, думаешь, и никакъ не можешь додуматься, какая бы это могла быть вещь, у которой есть такія «стороны». Выходитъ вродѣ какъ съ геометрической фигурой: такая-то сторона, другая, третья, пятая, десятая, а самый предметъ, самая фигура есть не что иное, какъ пустое мѣсто. Въ геометрическихъ фигурахъ еще лучше: онѣ замкнуты, а у Вундта никакъ не удается вернуть капризныя стороны къ исходному пункту,—стороны вѣтвятся, разбѣгаются, и фигура остается незамкнутой.

Итакъ, что же такое апперцепція? Во первыхъ, какъ мы уже видѣли, это — «вхожденіе представленій въ *фиксаціонную точку сознанія*», повышеніе ихъ ясности.

Такимъ образомъ, апперцепція есть *вообще фактъ ясности* сознанія; такъ и говоритъ о ней Вундтъ въ доказательствѣ существованія апперцепціи *).

Второй признакъ «апперцепціи»—это тѣ *чувства активности* и напряженія, которыя составляютъ ея субъективную сторону и которыя получили такое особое развитіе въ послѣднемъ сочиненіи Вундта «Очеркѣ психологіи».

---

*) 4 Aufl., II Band, S. 271 сл.

Въ-третьихъ, апперцепція, по Вундту, есть актъ *выбора*; эта сторона дѣла даетъ намъ нѣсколько новыхъ значеній апперцепціи. Прежде всего, выборъ осуществляется только въ *активной* апперцепціи; пассивная же апперцепція здѣсь отходитъ на второй планъ. «При пассивной апперцепціи, говоритъ Вундтъ *), — имѣется на-лицо только одно мотивирующее представленіе (Vorstellungsmotiv), опредѣляющее послѣдующую дѣятельность. Напротивъ, при активной на отдѣльное дѣйствіе имѣютъ вліяніе возникшія въ силу предыдущаго развитія мотивирующія склонности (Motivanlagen). Такъ какъ здѣсь для каждаго возможнаго направленія душевной жизни имѣется на-лицо нѣсколько такихъ мотивовъ и такъ какъ въ этомъ случаѣ всякому представленію предшествуетъ стадія подготовительной задержки (Einstellung), то весь процессъ активной апперцепціи является *выборомъ* между различными мотивами. Такимъ образомъ, двѣ основныя формы воли: *простое* (или подобное стремленію) *хотѣніе* и *сложное хотѣніе* (или произвольное дѣйствіе) уже предобразованы въ двухъ формахъ апперцепціи». Итакъ, активная апперцепція есть *выборъ*. Въ области познанія она будетъ выборомъ подходящихъ, *логическихъ* сочетаній представленій; какъ таковая, она служитъ основой всего мышленія: образованія соотвѣтствующихъ дѣйствительности понятій, сужденій и умозаключеній — во всѣхъ ихъ формахъ **). «При дѣятельности фантазіи,—читаемъ мы въ «Основаніяхъ», стр. 868,— какъ бы мало ни участвовала здѣсь воля, представленія соединяются *по плану*, т.-е. апперцептивно» «Апперцептивное расчлененіе представленій всегда происходитъ по закону *двукратнаго дѣленія*. Такимъ образомъ, этотъ *основной законъ логическаго мышленія* происходитъ въ концѣ концовъ изъ того же источника, изъ котораго выдѣляются преобладающіе элементы ассоціативнаго сліянія и сочетанія» ***).

---

*) 4 Aufl., S. 278.

**) Объ этомъ см. 4 Aufl., B. II, 17 Capitel, § 5. Geistige Anlagen.

***) „Основанія", стр. 859. Штауде (стр. 206 его статьи) поясняетъ: „Законъ двучленнаго дѣленія (или дихотоміи), господствующій надъ всѣмъ развитіемъ теченія мыслей и выражающійся въ формѣ сужденія, основанъ на томъ, что, сообразно съ природою апперцепціи, въ каждый моментъ происходитъ только одинъ апперцептивный актъ, и равъ онъ является разлагающимъ, то онъ долженъ производить простое разложеніе, т.-е., значитъ, двучленное дѣленіе". Штауде не указываетъ, откуда ему извѣстна „природа

Вундтъ придумываетъ даже два вида памяти: *механическую*, удерживающую по преимуществу (?) ассоціативныя соединенія представленій, и *логическую*, которая исполняетъ ту же роль относительно апперцептивныхъ сочетаній *). Какъ будто *сущность памяти* не одна и та же всегда, предполагая даже коренное различіе между ассоціативными сочетаніями! Какъ будто для процесса удержанія не все равно, что̀ именно запоминается!

Итакъ, здѣсь апперцепція есть *направляющая сила ума*.

Въ области воли апперцепція выбираетъ подходящія, *цѣлесообразныя* реакціи, планомѣрныя дѣйствія. Это будетъ *сознательная воля*. Здѣсь апперцепція есть выборъ сначала представленія цѣлесообразнаго дѣйствія, а затѣмъ и совершеніе самаго этого дѣйствія. «Внѣшнее дѣйствіе воли,—говоритъ Вундтъ,—по сущности своей есть не что иное, какъ частная форма апперцепціи» **). «Внѣшнее проявленіе воли собственно есть полученный путемъ многихъ посредствующихъ членовъ результатъ внутренней дѣятельности воли, т.-е. апперцепціи» ***).

Какъ я уже сказалъ, у Вундта замѣтно стремленіе совмѣстить всѣ значенія, какія придавались въ разное время термину «апперцепція», прибавивъ къ нимъ еще свои собственныя. Мы уже видѣли, что въ исходной точкѣ Вундтъ беретъ *mutatis mutandis* лейбницево понятіе апперцепціи; ниже мы увидимъ, что въ полемикѣ съ ассоціативистами онъ толкуетъ апперцепцію прямо въ смыслѣ Гербарта. Совпаденіе апперцепціи съ чувствованіями усилія и напряженія и съ активностью воспріятія, а также понятіе о ней какъ о выборѣ, какъ объ основаніи логичности мышленія и цѣлесообразности дѣйствованія, принадлежатъ ему самому. Но едва ли не коренным̀ является у Вундта кантово понятіе апперцепціи. Апперцепція въ смыслѣ Канта (трансцендентальная) есть реальное единство и тожество субъекта. Сразу понятно, какіе широкіе виды открывало такое понятіе: оно обусловливало связность процессовъ воспріятія и мышленія, являлось причиной и основаніемъ всѣхъ

апперцепціи", и все это разсужденіе кажется объясненіемъ болѣе понятнаго чрезъ менѣе понятное и извѣстное.

*) „Основанія физіол. псих.", стр. 871.

**) „Основанія", стр. 946.

***) Тамъ же, стр. 939. Обстоятельная критика этихъ сторонъ теоріи Вундта дана у *Marty* «Ueber Sprachreflex etc.» (Vierteljahrssch f w. Ph., XIII особенно стр. 204 сл.).

синтезовъ, которыми духъ собиралъ распыленные, по волѣ Канта, элементы нашего опыта; оно бросало, правда, нѣсколько тусклые лучи на единство, а слѣдовательно, простоту, субстанціальность и проч. духовнаго начала, намекало на его умопостигаемую самоопредѣляемость или свободу и т. д.*). Мы сейчасъ увидимъ, что всѣ эти неясныя тяготѣнія кантовой психологіи нашли себѣ отраженія и у Вундта.

Дѣйствительно, Вундтъ приписываетъ всякое реальное соединеніе представленій именно апперцепціи; оказывается, что именно апперцепція производитъ *агглютинацію* представленій, т.-е. такое соединеніе ихъ, при которомъ мы получаемъ одно новое представленіе, явственно сознавая, однако, его составныя части («Основанія», рус. пер., стр. 856 и слѣд.), и (апперцептивное) *слiяніе* представленій, сопровождающееся *физіологическими* процессами конденсаціи и перемѣщенія представленій, и *образованіе понятій*. Развѣ нѣтъ здѣсь сходства съ кантовыми синтезами, обусловленными въ концѣ концовъ трансцендентальнымъ единствомъ апперцепціи?

Далѣе, апперцепція, какъ дѣятельность выбора, есть содержаніе нашей идеи *свободы воли*; она же есть и *единство нашей души*. «Послѣдній и въ сущности единственный *ни на что другое не сводимый* признакъ, говорящій за психологическое единство нашего существа, есть *дѣятельность апперцепціи*; поэтому единство нашей души и есть не что иное, какъ дѣятельность апперцепціи» **). Надо замѣтить, впрочемъ, что послѣдняя цитата въ 4 изд. выброшена, очевидно, подъ давленіемъ критики.

Вернемся къ апперцепціи въ смыслѣ «выбора», въ смыслѣ направляющей способности: къ логичности—въ области ума, къ цѣлесообразности—въ области воли. По Вундту, такая способность должна быть основной, первичной, неразложимой силой духа. Изъ общей постановки у Вундта вопроса объ апперцепціи, какъ о совершенно *простомъ* фактѣ, вытекаетъ взглядъ, раздѣляемый нѣкоторыми психологами ***), имѣющими право ссылаться на

*) Опять отсылаемъ читателя къ критикѣ этой теоріи Канта у James'a, Principles of Psychology, loc. cit.

**) „Основанія", стр. 851—852.

***) У Штауде (Philos. Studien, B. I, стр. 201—212), наприм., вопросъ все время колеблется. Выходитъ, что или воля (и апперцепція) есть простой передаточный механизмъ между устанавливающими цѣлесообразность мотивами

Вундта (особенно, на то, что онъ говорилъ, наприм., въ первыхъ изданіяхъ «Основаній физ. психологіи»), хотя бы самъ онъ толковалъ впослѣдствіи свои теоріи въ другомъ духѣ. Взглядъ этотъ можно формулировать такъ: духъ имѣетъ простую, неразложимую на элементы, непосредственную способность *логическаго*, сообразнаго съ дѣйствительностью, мышленія и *планомѣрнаго* дѣйствованія. Въ сущности, какъ логичность теоретическихъ построеній, такъ и планомѣрность активныхъ реакцій сводятся къ *цѣлесообразности* этихъ духовныхъ продуктовъ, къ соотвѣтствію ихъ тѣмъ требованіямъ, тѣмъ запросамъ, какіе предъявляетъ къ нимъ подъ вліяніемъ среды субъектъ.

«Цѣлесообразность» есть пригодность для той или другой *цѣли*; всякая цѣль имѣетъ смыслъ только въ соотвѣтствіи съ извѣстными условіями, которымъ она удовлетворяетъ. Условія эти познаются всегда изъ опыта; опытъ всегда и непремѣнно стоитъ въ соотвѣтствіи со средой, съ дѣйствительностью (какъ бы мы ни понимали ее съ теоретико-познавательной точки зрѣнія); измѣнятся условія среды,— немедленно потеряетъ смыслъ и прежняя цѣль. Въ этомъ состоитъ основная точка зрѣнія современной науки, непоколебимо установленная біологіей, идущей отъ Дарвина и Спенсера; она скрыто лежитъ и въ основѣ психологическихъ изслѣдованій, хотя рѣдко формулируется въ отвлеченной и общей формѣ. Одно изъ немногихъ указаній на этотъ принципъ мы находимъ у Джемса; я попрошу позволенія привести выписку изъ его *Textbook of Psychology* *). «Великая ошибка старинной раціональной психологіи заключалась, говоритъ Джемсъ, въ томъ, что душа представлялась существомъ, одареннымъ нѣкоторыми способностями, съ помощью которыхъ объяснялись различные процессы припоминанія, сужденія, воображенія, хотѣнія и т. п., почти безъ всякаго отношенія къ тому міру, въ которомъ эти способности проявляютъ свою дѣятельность. Но болѣе свѣдущая въ этомъ вопросѣ современная наука разсматриваетъ наши внутреннія способности какъ бы заранѣе приноровленными къ свойствамъ

и дѣйствіями, или же что апперцепція независима отъ мотивовъ въ обычномъ смыслѣ и регулируется нѣкоторыми особыми, непосредственно приводящими къ цѣлесообразности законами, какъ наприм., въ слѣдующемъ мѣстѣ: „воля господствуетъ и устанавливаетъ законы для неурегулированной творческой силы ассоціаціи и заставляетъ ее служить своимъ высшимъ цѣлямъ».

*) Русскій перев., стр. 3—4.

того міра, среди котораго мы живемъ; я хочу сказать,—такъ приноровленными, чтобы обезпечить намъ безопасность и счастье въ окружающей обстановкѣ.

«Не только наши способности къ образованію новыхъ привычекъ, къ запоминанію послѣдовательныхъ серій явленій, къ отвлеченію общихъ свойствъ отъ вещей и къ ассоціированію съ каждымъ явленіемъ его обычныхъ слѣдствій, представляются для насъ руководящимъ началомъ въ этомъ мірѣ, и постояннымъ, и измѣнчивомъ въ одно и то же время,—но и наши эмоціи и инстинкты также приспособлены къ свойствамъ именно даннаго міра; по большей части, если извѣстное явленіе важно для нашего благополучія, оно съ перваго же разу возбуждаетъ въ насъ инстинктивный интересъ. Опасныя явленія вызываютъ въ насъ инстинктивный страхъ, ядовитыя вещи—отвращеніе, а предметы первой необходимости привлекаютъ насъ къ себѣ. Короче сказать, *міръ и умъ развивались одновременно, и, въ силу этого, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ какъ бы приспособились другъ къ другу*. Главнымъ результатомъ новаго воззрѣнія было все болѣе и болѣе укрѣпляющееся убѣжденіе, что *развитіе душевной жизни есть явленіе по преимуществу телеологическаго характера*, т. е. что различные виды чувствъ и способы мышленія достигли теперешняго состоянія въ силу своей полезности для регулированія нашихъ воздѣйствій на міръ. Въ концѣ концовъ, немного формулъ въ новѣйшей психологіи оказало болѣе услугъ, чѣмъ спенсеровское положеніе, что сущность душевной и тѣлесной жизни заключается въ одномъ и томъ же, именно въ приспособленіи внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ».

Очевидно, поэтому, что цѣлесообразность (даже поскольку она проявляется въ строѣ эмоцій, влеченій и инстинктовъ, не говоря уже о *логичности* умственныхъ явленій и о *планомѣрности* волевыхъ) есть не простой фактъ, не объясненіе, а *проблема*, требующая объясненія. Психологія, по мѣрѣ силъ, и старается его дать этой проблемѣ; она говоритъ, что вліяніе среды выражается въ стремленіи или законѣ самосохраненія, столь тѣсно связанномъ съ эмоціями; эмоціи движутъ какъ мышленіемъ, такъ и внѣшними движеніями; специфическое содержаніе всѣхъ этихъ сторонъ духа группируется, благодаря памяти, творчеству и отвлеченію, въ разнаго рода комплексы—по смежности, сходству, противоположности... Вы видите здѣсь основныя черты

того, что неточно называютъ «ассоціативной» психологіей, и можно утверждать, что разъ даны различеніе, одновременное и послѣдовательное воспроизведеніе, отожествленіе съ отвлеченіемъ, законъ мотивации съ эмоціями, интересомъ и вниманіемъ, двигательная система и условія для развитія способности задерживать импульсивныя реакціи,—для полнаго перечня основныхъ условій существованія духа не хватаетъ одного—*среды* и *обстановки*. Если все вышеперечисленное назвать неточнымъ терминомъ «ассоціативной психологіи», то цѣлесообразность, т. е. вся *суть дѣятельности* духа, и будетъ слагаться изъ ассоціаціи и воздѣйствія всего окружающаго, какъ тѣлеснаго, такъ и духовнаго.

Источникомъ указанной выше ошибки является естественное стремленіе къ обособленію предмета своего изслѣдованія; о вліяніи среды забываютъ, отъ него отвлекаются, изолируя духъ. Между тѣмъ, духъ, какъ и всякій другой продуктъ природы, обладаетъ *естественной цѣлесообразностью*, приспособленностью къ средѣ. Духъ—не канцелярія; онъ не можетъ дѣйствовать безъ всякаго отношенія къ той средѣ, въ которой онъ находится, не можетъ регулировать жизнь, не принимая во вниманіе ея условій, не можетъ дѣлать этого потому, что въ немъ никакими сложными и искусственными комбинаціями нельзя вытравить той естественной цѣлесообразности, отъ которой не можетъ уйти ни одно *живое* существо.

Разъ установлено, что выборъ цѣлесообразнаго направленія мышленія и дѣйствованія всегда соотносителенъ со средой, намъ остается указать тотъ процессъ, который ведетъ къ этому выбору; въ него непремѣнно войдутъ:

1) воспріятіе среды;

2) оцѣнка среды въ связи со всѣмъ предыдущимъ опытомъ (апперцепція въ гербартовомъ смыслѣ);

3) мысленный пересмотръ, часто почти мгновенный, возможныхъ реакцій;

4) выборъ наиболѣе подходящей реакціи; это—процессъ очень сложный, составляющійся изъ предусматриванія и оцѣнки возможныхъ послѣдствій каждой реакціи, изъ попытокъ, часто сначала неудачныхъ, сознанія ихъ неудачи, повторенія ихъ, задержекъ дѣйствія, колебанія и т. д.;

5) процессы привычки, запоминанія и усвоенія.

Поэтому, направляющая или избирающая дѣятельность духа не можетъ быть *основнымъ*, *первичнымъ* фактомъ духовной жизни. Первично только простое, а она представляетъ собою совокупность довольно сложныхъ процессовъ.

Предположеніе простоты этой избирающей дѣятельности, при сколько-нибудь послѣдовательномъ его проведеніи, дѣлаетъ излишнимъ всякій психологическій анализъ и уничтожаетъ психологію, какъ науку. Дѣйствительно, хотя бы жизнь и была непрестаннымъ приспособленіемъ внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ и духовныя явленія по существу своему телеологичными, но разъ телеологія, установленіе и выборъ цѣлесообразнаго есть простой, элементарный фактъ духа, то за такимъ разсужденіемъ можно поставить точку, ибо больше говорить не о чемъ.

Работая надъ психологическимъ анализомъ, мы задаемся именно цѣлью узнать, *какъ* происходитъ и вырастаетъ эта цѣлесообразная дѣятельность нашей мысли и нашихъ движеній; сама по себѣ она есть фактъ и простая ссылка на него никакъ не можетъ служить объясненіемъ. Это мнѣніе, въ сущности, позади психологическаго анализа, въ той мѣрѣ, въ какой оно его признаетъ и допускаетъ, создаетъ опять нѣкоторую проблему,— передъ зрителемъ опять появляется незнаемый «нѣкто», надъ которымъ надо или опять продѣлывать психологическій анализъ, или же сознаться въ своемъ безсиліи объяснить его.

Этотъ «нѣкто»—просто та же наша душа, во всемъ ея цѣломъ. Конечно, мы не можемъ считать ее чѣмъ-либо *реально* сложнымъ, но всякій согласится, что эта предполагаемая *простота* души не уничтожаетъ возможности психологическаго анализа, ибо это анализъ лишь мысленный, виртуальный; это — анализъ *проявленій*, не противорѣчащій гипотезѣ простоты *субстанціи*.

Какъ я уже сказалъ, апперцепцію въ смыслѣ выбора можно понимать у Вундта еще иначе: можно видѣть въ ней не что-то совершенно простое и элементарное; можно сказать, что дѣлаемый апперцепціей выборъ опредѣляется всѣмъ прежнимъ опытомъ субъекта, что апперцепція и есть взаимодѣйствіе стараго съ новымъ. Всякому очевидно, во-первыхъ, что это есть возвращеніе къ гербартовой апперцепціи, и совершенно непонятно тогда, для чего было опровергать Гербарта, создавать и заявлять о своей теоріи апперцепціи, какъ о чемъ-то новомъ и оригинальномъ. Во-вторыхъ, надо замѣтить, что при такомъ гербартіанскомъ

пониманіи апперцепціи, Вундтъ избѣгъ бы многихъ недоразумѣній, если бы говорилъ, что «взаимодѣйствіе прежняго опыта съ новыми воспріятіями и есть апперцепція», чѣмъ такъ, какъ приблизительно обычно выражается онъ: «*апперцепція выбираетъ* представленія, подъ вліяніемъ прежнихъ пріобрѣтеній и задатковъ сознанія», дѣлая изъ апперцепціи какъ бы особую способность. И это послѣднее предположеніе тѣмъ сильнѣе навязывается читателю, что апперцепція никакъ не можетъ быть просто функціей, процессомъ, актомъ: для этого она исполняетъ слишкомъ разнообразныя отправленія, а одна функція не можетъ исполнять дѣло десяти другихъ.

Апперцепція въ этомъ смыслѣ развивается Вундтомъ (на ряду съ другими концепціями того же понятія) преимущественно въ 4 изданіи Grundzüge. Но еще раньше выхода этого изданія эту теорію разобралъ на ряду съ другими возраженіями противъ ассоціативной психологіи въ статьѣ: «*On association-controversies*» проф. Бэнъ (Mind, 1887, p. 174 sq.). Я сошлюсь на его критику.

«Проф. Вундтъ, говоритъ Бэнъ, считаетъ принципы ассоціативной психологіи недостаточными для объясненія высшихъ умственныхъ процессовъ»; онъ дополняетъ ихъ апперцепціей, дѣйствующей подъ вліяніемъ вниманія и создающей высшія функціи ума и воли, по особымъ мотивамъ логическимъ, эстетическимъ и этическимъ.

«То, что Вундтъ говоритъ о существенномъ взаимодѣйствіи эмоцій и воли съ дѣйствіями ассоціаціи, со всѣмъ этимъ *я вполнѣ согласенъ*»,—говоритъ Бэнъ далѣе; установленіе ассоціативныхъ связей требуетъ сознанія и пропорціонально его интенсивности, а сознательность вызывается мотивами чувствованій или воли. Но этого мало; если уже брать всѣ условія ассоціативнаго процесса, то къ числу ихъ надо отнести и вліянія физическія, затѣмъ умственныя (наприм., число и свойства ассоціативныхъ сочетаній, дѣйствующихъ въ каждомъ данномъ случаѣ) и эмоціонально-волевыя, и нѣтъ никакихъ основаній сводить ихъ всѣ къ одной волѣ.

Что же касается до дѣятельности воли, напр., въ припоминаніи, то она лишь очень немного вліяетъ, въ случаѣ слабости ассоціативныхъ связей, сосредоточеніемъ вниманія, въ гораздо же большей степени нахожденіемъ побочныхъ вспомогательныхъ соединеній; она можетъ также помогать воспроизведенію сходныхъ образовъ. «То, что Вундтъ называетъ апперцепціей, есть распоряженіе мыс-

лями, посредствомъ удержанія однихъ и отбрасыванія другихъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ возникаютъ и оказываются то подходящими, то неподходящими... Конечно, всякое цѣлесообразное мышленіе, все равно практическое или спекулятивное, научное или эстетическое, состоитъ въ томъ, что мы пользуемся матеріалами, доставляемыми ассоціаціей, выбираемъ изъ нихъ то, что полезно для поставленной нами цѣли, и отбрасываемъ неподходящее... Поэтому, пока Вундтъ говоритъ, что ассоціація одна не объясняетъ высшихъ умственныхъ отправленій, онъ говоритъ только то, съ чѣмъ мы всѣ согласны, а именно, что ассоціація требуетъ контроля со стороны воли и чувствованій». Несогласіе Бэна съ Вундтомъ начинается съ рѣзкаго раздѣленія послѣднимъ продуктовъ ассоціацій на высшіе и низшіе. «По моему мнѣнію,—говоритъ Бэнъ,—терминъ апперцепція, какъ его употребляетъ Вундтъ, излишенъ и не имѣетъ содержанія. Если это только другое названіе для волевого контроля надъ мышленіемъ, то онъ ведетъ лишь къ недоразумѣніямъ, заставляя предполагать, что ему соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности нѣчто особое».

Послѣднее замѣчаніе Бэна касается вопроса о томъ, опредѣляется ли теченіе ассоціацій почти исключительно мотивами черезъ вниманіе, или же важное значеніе имѣетъ и самый строй ассоціацій; о немъ коротко говорить нельзя, а потому я его и опускаю.

Вундтъ отвѣчалъ какъ на эти замѣчанія, такъ и другимъ своимъ критикамъ, въ двухъ мѣстахъ 4 изданія своихъ Grundzüge. Во 2 томѣ (стр. 482, примѣч. 7) Вундтъ пишетъ: «Бэнъ подвергъ мою теорію апперцепціи критикѣ; онъ замѣчаетъ, что и англійскіе психологи признаютъ контроль надъ ассоціаціями черезъ посредство чувствованій и воли, и что такимъ образомъ по сущности своей моя теорія почти совпадаетъ съ тѣмъ, о чемъ давно уже учатъ англійскіе психологи. Но я нигдѣ не встрѣчалъ у нихъ чего-либо, что соотвѣтствовало бы выдвиганію на первый планъ (Hervorhebung) особенностей апперцепціи въ противоположность ассоціативнымъ соединеніямъ представленій. Неопредѣленная ссылка на вліяніе чувства и воли на мышленіе, или «интереса», «большей точности» и «навыка» при отожествленіи, по моему мнѣнію, имѣютъ такъ же мало значенія, какъ различныя «способности духа» Вольфовой психологіи. Впрочемъ, эти замѣчанія признаютъ, что для объясненія умственныхъ процес-

совъ нужны еще другіе факторы, кромѣ ассоціацій,» и т. д. Нельзя не замѣтить, что Вундъ защищаетъ здѣсь свою теорію апперцепіи простымъ указаніемъ на то, что онъ выдвигаетъ это понятіе на первый планъ; приравниваніе же «вліянія чувства и воли на мышленіе» и «навыка» къ способностямъ Вольфовой психологіи выходитъ здѣсь довольно рискованнымъ *).

Въ другомъ мѣстѣ того же тома (стр. 283 сл.) Вундтъ, стараясь защититься отъ сдѣланныхъ ему упрековъ и еще разъ по новому истолковать свою теорію, пишетъ слѣдующее: «Гипотеза, болѣе или менѣе ясно лежащая въ основѣ всѣхъ психологическихъ воззрѣній, считающихъ возможнымъ обойтись безъ понятія апперцепціи, не только противорѣчитъ тому факту, что мы можемъ обращать большое вниманіе на слабыя и слабое — на сильныя впечатлѣнія, но и не даетъ еще никакого объясненія имѣющимся на лицо при процессахъ *вниманія чувствованіямъ* и *другимъ сопровождающимъ ихъ состояніямъ*. Подъ апперцепціей здѣсь не надо понимать ничего иного, кромѣ суммы этихъ явленій».

Намъ рѣшительно непонятно, какъ это апперцепція можетъ быть, какъ многократно было заявлено, первичнымъ, основнымъ явленіемъ духа и въ то же время суммой другихъ явленій; она своимъ единствомъ приводитъ къ единству все остальное, а сама есть сумма кое-чего изъ этого всего.

Считаю нужнымъ, въ оправданіе своего недоумѣнія, привести подлинную фразу Вундта: «Unter Apperception ist hier überall nichts anders zu verstehen, als die Summe dieser Erscheinungen» (перечисленіе ихъ дано въ другомъ мѣстѣ; см. ниже). Далѣе, Вундтъ утверждаетъ (впрочемъ, голословно и вопреки наиболѣе общепринятому взгляду на употребленіе научныхъ терминовъ), что сбивчивость термина «апперцепція» не представляетъ никакой бѣды. «Если въ философскомъ употребленіи,—говоритъ онъ,—это понятіе получило нѣсколько значеній, не покрываемыхъ указаннымъ эмпирическимъ его содержаніемъ, то здѣсь надо отъ нихъ всецѣло отрѣшиться; употребленіе его оправдывается цѣлесообразной краткостью выраженія и тѣмъ обстоя-

*) По поводу этого примѣчанія проф. Н. Ланге въ своей книгѣ „Психологическія изслѣдованія“ замѣчаетъ, что это, очевидно, несправедливый упрекъ. («Псих. изсл.», стр. 119, примѣч.).

тельствомъ, что еще со временъ Лейбница въ этомъ понятіи мыслились (mitgedacht) также и его психологическіе элементы. Поэтому, кажется, во всякомъ случаѣ сообразнѣе придать новый смыслъ старому слову, чѣмъ создавать новое, которое, можетъ быть, не менѣе будетъ подлежать опасности лжеистолкованія».

Несостоятельность всѣхъ этихъ выводовъ очевидна: какое мѣрило *цѣлесообразной* краткости выраженія? цѣлесообразно ли, для краткости, жертвовать ясностью? если гнаться уже за краткостью, то не выразить ли весь міровой процессъ въ старой формулѣ πάντα ῥεῖ, или даже въ еще болѣе краткомъ Кратиловомъ помаваніи указательнымъ пальцемъ?

А тотъ фактъ, что, хотя со временъ Лейбница въ терминѣ «апперцепція» мыслилось и нѣкоторое психологическое содержаніе, но что у него было много другихъ значеній, и притомъ многоразличныхъ, именно этотъ фактъ и долженъ былъ бы заставить отказаться отъ употребленія этого термина. Наконецъ, для предупрежденія опасности недоразумѣній относительно новыхъ терминовъ нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ приведенія въ полную ясность того, что хотятъ выразить, тщательнаго выбора новаго выраженія и хорошаго опредѣленія его; избѣгать же принципіально новыхъ терминовъ рѣшительно нѣтъ основаній, и особенно для такихъ смутныхъ понятій, какъ «апперцепція».

«Необходимо приписывать всякому понятію только тотъ смыслъ, который указанъ въ его опредѣленіи,—говоритъ Вундъ дальше,—а не тотъ, въ какомъ слово употреблялось гдѣ-нибудь еще. Такая именно подмѣна смысла и происходитъ, по мнѣнію Вундта, когда апперцепцію называютъ «метафизическимъ» понятіемъ *), или даже особой душевною способностью.

*) Вундтъ напрасно недоумѣваетъ, почему его апперцепцію многіе считаютъ и называютъ „метафизической“. Конечно, самое лучшее было бы совсѣмъ отказаться отъ употребленія такого многосмысленнаго и сбивчиваго термина, какъ „метафизика“, но уже если его употреблять, то какъ разъ это значеніе окажется, если и не наиболѣе основательнымъ, то во всякомъ случаѣ наиболѣе распространеннымъ въ общемъ сознаніи. Дѣйствительно, если посмотрѣть, въ какихъ случаяхъ употребляется слово „метафизика“ въ порицательномъ, обидномъ смыслѣ, то мы увидимъ, что *большею частію* такъ называется отказъ отъ объясненія, прекращеніе анализа тамъ, гдѣ онъ долженъ начаться, объясненіе посредствомъ слова, которымъ прикрывается неумѣнье или нежеланіе вести научную работу. А такова именно вундтова апперцепція, и Цигенъ близокъ къ истинѣ, когда онъ пишетъ въ предисловіи къ своимъ Leitfaden der physiol.

Защищаясь отъ этихъ упрековъ, Вундтъ (повидимому, совершенно забывъ о томъ, что апперцепція у него есть *первичный волевой актъ*) истолковываетъ здѣсь апперцепцію совершенно въ духѣ Гербарта, — съ тѣмъ только отличіемъ, что между апперципируемымъ представленіемъ и апперципирующей массой ихъ вставляетъ *волю*, но какъ совершенно второстепенный, передаточный моментъ. Это очень недалеко отъ Гербарта, ибо и Гербартъ не отрицалъ вліянія воли, только онъ смотрѣлъ на нее, какъ на совершенно производное явленіе, какъ на продуктъ взаимодѣйствія, стѣсненія, борьбы и проч. представленій, такъ что въ концѣ концовъ апперцепція опредѣлялась все же представленіями.

Послѣ этого распаденія вундтовой апперцепціи на ея составныя части, окончательно перестаешь понимать, почему же онъ раньше вооружался на Гербарта (онъ и здѣсь на него не ссылается, хотя пользуется цѣлымъ рядомъ его терминовъ) и выставлялъ свою теорію, какъ совершенно оригинальную.

Я не буду приводить въ подробности весь этотъ экскурсъ Вундта. Въ концѣ концовъ, содержаніе апперцепціи формулируется здѣсь такъ: подъ апперцепціей надо понимать исключительно *совокупность* (?) слѣдующихъ *простыхъ* (?) явленій: измѣненія

Psychologie, что „введя для объясненія психологическихъ процессовъ особую вспомогательную величину, апперцепцію, Вундтъ избѣжалъ многихъ затрудненій: вездѣ, гдѣ онъ встрѣчалъ трудно объяснимый психическій процессъ, онъ тотчасъ же приписывалъ его апперцепціи". Конечно, такое презрительное употребленіе термина „метафизика" можетъ только обижать людей, понимающихъ и занимающихся метафизикой не въ смыслѣ постановки знаковъ препинанія для научнаго объясненія вещей, а въ смыслѣ критики и теоріи познанія, изучающихъ процессъ взаимодѣйствія между субъектомъ и объектомъ, человѣкомъ и міромъ, но на дѣлѣ это такъ, и въ параллель вундтовой апперцепціи можно выдвинуть отчасти изъ современной, отчасти изъ прежней кладовой науки не одну фикцію, слово, понятіе, на которыхъ останавливалось анализирующее мышленіе: таковы, наприм., жизненная сила, склонности и влеченія природы, міровой разумъ, эссенціальныя формы вещей и т. д., и т. д. Всѣ эти проблемы выдавались за объясненія, и всѣ такого рода объясненія называли и называютъ «метафизическими». Бороться съ этимъ предубѣжденіемъ публики противъ метафизики можно, повидимому, однимъ способомъ: безпощадно преслѣдовать всѣ построенія, въ которыхъ терминомъ „метафизики" прикрывается отказъ отъ изученія, гдѣ люди останавливаются въ своихъ изслѣдованіяхъ, далеко не исчерпавъ всѣхъ рессурсовъ объясненія вещей, и никоимъ образомъ не позволять ссылаться на требованія метафизики тамъ, гдѣ просто вопросъ трактованъ безъ вхожденія въ его детали.

степени ясности представленій, чувствъ активности *или пассивности* (?) воспріятія, дающихъ отличительные признаки активной и пассивной апперцепціи, и, наконецъ, сопровождающихъ ощущеній напряженія и являющагося иногда, въ зависимости отъ этого напряженія, слабаго усиленія (schwache Verstärkung) въ степени ясности поднявшихся выше порога сознанія представленій». Критиковать это мѣсто мы не будемъ, такъ какъ пришлось бы повторять уже сказанное раньше.

Я укажу еще на тотъ новый оборотъ, какой получила теорія апперцепціи въ послѣднемъ сочиненіи Вундта—«Очеркѣ психологіи». Быть можетъ, самой яркой отличительною чертой этого послѣдняго сочиненія является то выдающееся положеніе, какое Вундтъ приписываетъ въ немъ чувствованіямъ, сравнительно съ тѣмъ, что говорилось объ этомъ предметѣ въ «Основаніяхъ физіологической психологіи». Тамъ простыя чувствованія, сопровождающія ощущенія (sinnliche Gefühle, по русскому переводу «физическія чувства»), занимали довольно скромное мѣсто; въ «Очеркѣ» они выдвинуты на первый планъ, какъ единственные (кромѣ, конечно, ощущеній) *психическіе элементы*. Съ ними ставится въ связь и апперцепція, въ смыслѣ «фиксаціонной точки представленія». Я изложу въ общихъ чертахъ это ученіе,—только предварительно сдѣлаю отступленіе относительно «волюнтаризма» Вундта.

Этотъ «волюнтаризмъ», по нашему мнѣнію, такъ же не выдержанъ, какъ и его теорія апперцепціи. Возьмемъ русскій переводъ «Основаній физіологич. психологіи». На стр. 939 читаемъ: «Нельзя утверждать, что первичная форма дѣятельности воли развивается изъ чувствъ и побужденій. Наоборотъ, даже при самыхъ простыхъ чувствахъ отношеніе дѣйствующаго раздраженія къ апперцепціи есть существенное условіе, отъ котораго зависятъ сила и направленіе чувства. Въ противоположность теоріи, выводящей волю изъ чувствъ и *побужденій*, мы смотримъ на *волю*, какъ на *основной фактъ*, опредѣляющій чувственную сторону сознанія». Это довольно ясно, хотя стоящія немедленно за этимъ разъясненія опять сбиваютъ дѣло. Не останавливаясь на нихъ переходимъ на стр. 1011: «дѣйствительнымъ элементомъ всѣхъ душевныхъ явленій мы должны признать ту дѣятельность, въ которой первоначально соединены и ощущеніе, и воля. Эта первичнѣйшая форма психической дѣятельности есть *побужденіе*». Наконецъ,

въ «Очеркѣ» волюнтаризмъ толкуется уже не въ смыслѣ первичности воли или апперцепціи, а иначе. «Психическіе факты суть явленія, а не предметы, говоритъ тамъ Вундтъ *); они протекаютъ, какъ всѣ явленія, во времени, и во всякій данный моментъ они—уже не тѣ, какими были въ предшествующее мгновеніе. Въ этомъ смыслѣ *волевые процессы* представляются *типическими* процессами, бросающими свѣтъ на природу всѣхъ психическихъ процессовъ вообще. Волюнтаристическая психологія ни въ коемъ случаѣ не считаетъ волю единственной реальной формой (?) психической дѣятельности. Она утверждаетъ только, что *воля* и тѣсно связанныя съ нею *чувствованія и аффекты* представляютъ столь же необходимую составную часть психологическаго опыта, какъ ощущенія и представленія, и что всѣ прочіе психологическіе процессы аналогичны съ волевымъ процессомъ». Вѣроятно, авторъ самъ сознается, что, во-первыхъ, это совсѣмъ не то, что онъ говорилъ раньше, а во вторыхъ, будто уже всѣ не-волюнтаристы не считали воли и чувствованій за необходимую составную часть психическаго опыта! Наконецъ, неужели изъ того, что прочіе процессы аналогичны волевымъ (а также и чувствованіямъ и аффектамъ), а волевые, значитъ, аналогичны прочимъ, неужели изъ этого слѣдуетъ, что такую психологію надо называть «волюнтаристической»?

Теперь перейдемъ къ теоріи «простыхъ чувствованій» въ ихъ отношеніи къ апперцепціи, какъ этотъ вопросъ трактуется въ «Очеркѣ». Прежде всего, этихъ чувствованій страшно много, можно сказать—ихъ безчисленное множество; не только каждое ощущеніе, но и каждая степень интенсивности каждаго ощущенія, каждое измѣненіе этой степени интенсивности, каждое сочетаніе ощущеній и представленій сопровождается простыми чувствованіями, и не однимъ, а нѣсколькими. Поэтому, сколько-нибудь обстоятельно классифицировать всѣ эти чувствованія совершенно немыслимо, и Вундтъ различаетъ только три *главныхъ направленія* ихъ: 1) чувствованія удовольствія и неудовольствія, 2) возбужденія и подавленности, 3) напряженія и разслабленія. Вундтъ въ высшей степени натянуто старается связать эти три направленія съ тѣми отношеніями, въ какихъ отдѣльное чувство-

*) Стр. 9.

ваніе стоитъ къ *теченію психическихъ процессовъ* *), а также поставить ихъ въ связь съ физіологическими реакціями психическихъ процессовъ, и именно съ быстротой и силой сердечныхъ сокращеній.

И вотъ, съ этими-то чувствованіями и связывается *фиксаціонная точка представленія*. «Отчетливѣйшее воспріятіе стоитъ здѣсь въ связи исключительно съ общими свойствами представляющаго субъекта, поскольку они проявляются въ чувствованіяхъ, говоритъ Вундтъ... Внутренняя фиксаціонная точка располагающихся во времени (т.-е. воспроизведенныхъ) представленій отличается отъ внѣшней фиксаціонной точки тѣмъ, что она характеризуется, главнымъ образомъ, не ощущеніями, а *чувствованіями*» **). Соотвѣтственно этому, и въ изложеніи ученія объ апперцепціи выдвинута роль въ ней чувствованій. «Характеризующееся своеобразными чувствованіями состояніе, сопровождающее болѣе ясное воспріятіе психическихъ процессовъ, мы называемъ *внима-*

---

*) *Вундтъ*. Очеркъ психологіи. Пер. Г. А. Наперны, стр. 57—60. А именно, здѣсь Вундтъ пишетъ: «въ зависимости отъ теченія психическихъ процессовъ, всякое чувствованіе имѣетъ троякое значеніе: 1) оно можетъ обозначать видоизмѣненіе *наличнаго* состоянія и тогда принадлежитъ къ разряду чувствованій *удовольствія* и *неудовольствія*; 2) оно оказываетъ извѣстное вліяніе на *послѣдующее* состояніе: это вліяніе можно различать какъ *возбуждающее* или *успокаивающее (подавляющее)*; 3) своеобразный характеръ чувствованія опредѣляется *предшествующимъ* состояніемъ: дѣйствіе послѣдняго проявляется въ области даннаго чувствованія въ формахъ напряженія и разслабленія. Такая зависимость ихъ отъ теченія процессовъ дѣлаетъ вѣроятнымъ, что другихъ главныхъ (?) направленій чувствованій не существуетъ». Признаемся, что для насъ двѣ послѣднія рубрики крайне неясны и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и въ ихъ связи съ прошедшимъ и будущимъ временами. Дѣйствительно, какъ установить точную границу между «возбужденіемъ» и «напряженіемъ», между «подавленностью» и «разслабленіемъ»? Правда-ли, что возбужденіе и подавленность всегда стоятъ въ связи съ вліяніемъ даннаго духовнаго состоянія на послѣдующее, а напряженіе и разслабленіе зависятъ отъ предыдущаго? Не вліяетъ-ли, наприм., возбуждающимъ образомъ удовольствіе или страданіе въ настоящемъ, не обусловливается-ли напряженіе ожиданіемъ будущаго? Такихъ сомнѣній теорія возбуждаетъ безъ конца; мы рѣшительно не можемъ придумать для нея какого-либо конкретнаго смысла. Кажется даже, что Вундтъ создалъ ее для того, чтобы найти какое-нибудь подтвержденіе полноты его перечня «главныхъ направленій чувствованій». Послѣдняя фраза цитированнаго отрывка подтверждаетъ эту догадку.

**) Стр. 105—106.

ніемъ; единичный же процесъ, ведущій къ болѣе ясному воспріятію даннаго психическаго содержанія—*апперцепціей*» *).

Я перебралъ нѣкоторые изъ модусовъ, подъ которыми является у Вундта теорія апперцепціи. Мы видимъ, что апперцепція стоитъ въ связи съ тѣмъ-то и тѣмъ-то, дѣлаетъ то-то и то-то, одно обусловливаетъ другому, содѣйствуетъ и т. д. Что же такое это само, что дѣлаетъ, обусловливаетъ, содѣйствуетъ и проч.?

Что такое, въ частности, пассивная апперцепція? Ей особенно трудно придать какое-нибудь одно опредѣленное значеніе; попробуйте провести это различіе между активною и пассивною апперцепціей по всѣмъ значеніямъ термина «апперцепція», попробуйте отыскать вездѣ эту двойственность апперцепціи, и вы увидите, что дѣленіе это сдѣлано неправильно. Что такое, наприм., активное и пассивное тожество личности?

Во многихъ мѣстахъ «пассивная апперцепція» означаетъ у Вундта, несомнѣнно, просто *сознаваніе* того, что Вундтъ называетъ ассоціативными сочетаніями представленій.

Здѣсь мы подходимъ къ одному изъ чрезвычайно крупныхъ и грубыхъ противорѣчій въ психологіи Вундта. Оказывается, что, по его мнѣнію, «непосредственному воспріятію подлежатъ только апперципированныя представленія, и мы узнаемъ о существованіи представленій въ болѣе широкомъ полѣ сознанія, по большей части, лишь благодаря послѣдующей апперцепціи» **). Такимъ образомъ, выходитъ, что представленія, воспринимаемыя перцептивно, «по большей» части вовсе не воспринимаются, что перцепція не есть воспріятіе и что представленія и всѣ ассоціаціи существуютъ въ духѣ помимо сознанія. Относительно ассоціацій Вундтъ это и прямо говоритъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій, такъ какъ ассоціаціи оказываются у него почти исключительно физіологическимъ процессомъ, совершающимся помимо сознанія, ниже его порога. Но такъ какъ ассоціируются все же «представленія», то выходитъ, что существуютъ представленія несознаваемыя, «темныя», безсознательныя. Какъ согласить эти взгляды Вундта съ его полемикой противъ гербартовской теоріи вѣчнаго существованія представленій въ темной области духа, трудно сказать; противорѣчіе во всякомъ случаѣ несомнѣнное.

*) «Очеркъ», стр. 141.

**) „Grundzüge", 4 Aufl., B. II, S. 286.

Основнымъ недостаткомъ всѣхъ психологическихъ теорій Вундта намъ кажется ихъ несогласованность другъ съ другомъ, нѣкоторый безпринципный эклектизмъ и происходящее отсюда истолкованіе всякаго факта безъ связи съ общею теоріей, безъ отношенія къ предыдущему и послѣдующему.

Повидимому, вундтова теорія апперцепціи въ концѣ концовъ исчезнетъ изъ психологіи, такъ какъ неизвѣстно въ точности, *что* именно называется этимъ терминомъ; повидимому, имъ смутно обозначается цѣлый рядъ весьма различныхъ вещей.

Дѣйствительно, апперцепція является сначала основой всей душевной жизни, какъ реальное единство и тожество нашей личности, какъ условіе всякаго сознанія. Она производитъ цѣлый рядъ (апперцептивныхъ) сочетаній представленій. Но рядомъ съ этими послѣдними есть и другія, низшія, случайныя—ассоціативныя соединенія; они сами по себѣ безсознательны, и если они сознаются, то это тоже апперцепція; а можетъ быть и такъ: они сознаются, когда апперцепція обратитъ на нихъ вниманіе. Далѣе, всякое воспріятіе можетъ совершаться или безъ предварительнаго чувства дѣятельности, невзначай, или же съ подготовкой; какъ то, такъ и другое будетъ апперцепція; первая—пассивная, вторая—активная. Затѣмъ, мышленіемъ, творчествомъ и дѣятельностью управляетъ тоже апперцепція, по своимъ особымъ законамъ, подъ вліяніемъ наиболѣе постоянныхъ и прочныхъ мотивовъ, коренящихся въ прошломъ духовномъ опытѣ субъекта. Если мотивъ одинъ, апперцепція будетъ пассивною; если ихъ нѣсколько, такъ что выборъ совершается лишь послѣ нѣкоторой борьбы, то—активная.

Наконецъ, и вообще взаимодѣйствіе стараго душевнаго содержанія съ новымъ есть тоже апперцепція.

Несомнѣнно, что совмѣстить все это въ одномъ понятіи нельзя: вниманіе въ процессѣ воспріятія *не есть* первоначальное единство и тожество субъекта; выборъ логическаго, эстетическаго и цѣлесообразнаго—*не то*, что вхожденіе представленій въ фиксаціонный пунктъ сознанія. А разъ это не одно и то же, необходимо различныя вещи обозначать различными именами. Если все это стадіи или проявленія одного и того же «активнаго духовнаго начала», то почему самое это начало не отграничено отъ его проявленій? Почему какъ то, такъ и другое обозначается однимъ и тѣмъ же терминомъ? Почему нѣтъ системати-

ческой и исчерпывающей классификаціи этихъ проявленій или стадій? Почему многія духовныя явленія не отнесены сюда: развѣ въ ассоціаціяхъ (наприм., въ отожествленіи) не проявляется оригинальная и самобытно-активная дѣятельность духа?

Активность въ духѣ, несомнѣнно, есть; но это не какое-нибудь особое начало, «принципъ» (этимъ словомъ такъ часто злоупотребляютъ); это — совокупность самобытныхъ, самостоятельныхъ законовъ душевной дѣятельности, а единство ихъ есть то, что мы называемъ *духомъ*. Но эта активность *отнюдь не первично цѣлесообразная и логическая*; таковою она становится лишь впослѣдствіи, по мѣрѣ опыта.

Въ своей апперцепціи Вундтъ соединяетъ, въ сущности, цѣлый рядъ различныхъ вещей, о каждой изъ которыхъ необходимо говорить отдѣльно во избѣжаніе путаницы. Если вглядѣться въ его изложеніе, то оказывается, что онъ разумѣетъ подъ апперцепціей иногда *единство сознанія*, какъ фактъ, независимо отъ всякаго воспріятія его субъектомъ, такъ какъ такое единство, конечно, предшествуетъ всякому знанію. Но въ такомъ случаѣ этотъ фактъ надо изучать объективно, съ обще-біологической точки зрѣнія, надо прослѣдить его генезисъ, намѣтить стадіи его развитія, указать его относительныя подраздѣленія, если таковыя есть и т. д. Надо принять во вниманіе тѣ случаи, когда такого единства нѣтъ,—случаи измѣненія, превращенія, потери единства личности.

Иногда Вундтъ разумѣетъ подъ апперцепціей *опытное* сознаніе единства личности: это—собственно психологическая задача. Въ другихъ случаяхъ Вундтъ обозначаетъ апперцепціей уже не самосознаніе, а *объективное сознаніе*, сопряженное съ вниманіемъ, съ активнымъ отношеніемъ къ опытному матеріалу познанія; это—*активность* духа, въ той неясной противоположности ея съ «пассивнымъ» матеріаломъ опыта, какъ часто понимаютъ эти термины.

Пускай все это связано съ единствомъ, тождествомъ и активностью нашей личности; но этой связи недостаточно для изученія этихъ явленій. Рѣшительно *всѣ* духовныя явленія связаны съ духомъ (и ассоціаціи въ томъ числѣ, что бы ни говорилъ Вундтъ),—всѣ они—его модусы, проявленія и т. д.; но если мы ограничимся заявленіемъ, что все это—стоитъ въ связи съ духомъ и можетъ быть названо «духовными явленіями», то такая научная теорія, конечно, будетъ признана недостаточ-

ною. Опасаться и не довѣрять психологическому анализу на томъ основаніи, что духъ простъ и единъ, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаніи. Несомнѣнно, что всякое духовное состояніе физически недѣлимо; это нѣчто однородное, цѣльное и притомъ своеобразное. Но во-первыхъ, въ послѣдовательности духовныхъ состояній замѣчается нѣкоторое единообразіе,—духъ растетъ и прогрессируетъ не случайно, а закономѣрно, а во-вторыхъ, наше сознаніе различаетъ простыя духовныя состоянія отъ сложныхъ и усматриваетъ въ составѣ послѣднихъ тѣ или другіе элементы. Какъ нельзя болѣе вѣроятно, что въ этихъ послѣднихъ случаяхъ умственный анализъ просто вступаетъ въ обратномъ направленіи въ слѣды предшествовавшаго фактическаго синтеза, дѣйствительной эволюціи. А потому умственно прослѣдить ходъ этого развитія, этого синтеза, исходя отъ высшей достигнутой имъ точки, никакъ не значитъ разорить духовную храмину и водворить на ея мѣстѣ хаосъ и разрушеніе. Никакой научный анализъ никогда не разрушаетъ дѣйствительности,—онъ ее объясняетъ, прослѣживаетъ ея генезисъ и устройство; и въ этомъ направленіи онъ долженъ идти до предѣловъ возможнаго. Поэтому-то мы и думаемъ, что дѣйствительное единство и тожество нашей личности ничего не потеряетъ, если мы откинемъ искусственное и чисто словесное объединеніе множества ея проявленій въ терминѣ «апперцепція» и будемъ изучать единство личности—какъ единство личности, вниманіе—какъ вниманіе, логичность и цѣлесообразность—какъ логичность и цѣлесообразность. Что всѣ эти явленія не расползутся, за это намъ ручается тотъ фактъ, что все это—*духовныя* явленія, и если нужно словесное объединеніе, то понятія «духъ», «личность» и т. п. гораздо лучше объединятъ область нашихъ изслѣдованій, чѣмъ противорѣчивая «апперцепція» *).

*) Я коснулся лишь немногихъ пунктовъ вундтовской теоріи апперцепціи. Изъ статей, посвященныхъ спеціально ея критикѣ, особенно выдаются: *Marty*—Ueber Sprachreflex etc. (Vierteljahrsschrift f. wiss. Phil., B. X, 346 и B. XIII, 195 и 404), *Münsterberg* — Beiträge zur experimentellen Psychologie, Heft I; *Heinrich*—Die moderne physiologische Psychologie etc., глава о Вундтѣ.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР